

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ПАТРИКА ФЛАККА
IDÉE, EXPRESSION, VÉCU. LA QUESTION DU SENS
ENTRE PHÉNOMENOLOGIE ET STRUCTURALISME¹

Paris: Hermann Éditeurs, 2018. ISBN: 978270569551 4

АЛЕКСАНДР ПОГОНЯЙЛО

Доктор философских наук, профессор.
Санкт-Петербургский государственный университет.
199034 Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: apogoniailo@gmail.com

Задуманный и частично осуществленный проект «переписывания» истории структурализма, предполагающий также прояснение взаимоотношений последнего с феноменологией, выходит за рамки как обычного историко-научного, так и, собственно, историко-философского (история феноменологии) исследования по той простой причине, что столь обстоятельный разговор о значительном явлении научного (и философского) мышления первой половины прошлого века, сохранившемся во второй его половине, а также в наступившем третьем тысячелетии с приставкой «пост», неизбежно оказывается разговором о «пост-науке», «постфилософии» и обо всех прочих возможных «пост-», включая постполитику, коль скоро речь идет о переживаемых нами «поворотных временах», а стало быть, о «кризисе» (в самом положительном смысле) всех более или менее привычных для европейской — а теперь уже мировой — культуры понятий и представлений, и прежде всего о самой науке и философии. «Перепись» истории — единственный способ остаться на уровне мышления отцов-основателей. В этом смысле история формирования структурализма, его развития во взаимодействии с разными течениями и направлениями мысли, прежде всего, феноменологией, и, наконец, оставшаяся за рамками проделанной работы, история превращения его в постструктурализм чрезвычайно поучительна.

Ключевые слова: Феноменология, структурализм, постструктурализм, формальный метод, знак, вопрос о смысле, выражение.

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 19-011-00826, «Политизация и деполитизация философии в контексте биополитики: сравнительный анализ полемических дискурсов».

PATRICK FLACK
IDEA, EXPRESSION, EXPERIENCE. THE QUESTION
OF MEANING: BETWEEN PHENOMENOLOGY AND
STRUCTURALISM²

Paris: Hermann Éditeurs, 2018. ISBN: 978270569551 4

ALEXANDR POGONYAILO

DSc in Philosophy, Professor.
St Petersburg State University.
199034 St Petersburg, Russia.
E-mail: apogoniailo@gmail.com

The project of rewriting the history of structuralism conceived and partially realized by philosophers implies clarifying relationship between structuralism and phenomenology. It transcends the scope of research in history of science and in history of philosophy (phenomenology) because discussing such a significant scholarly and philosophical phenomenon of the first half of the past century which still exists, albeit with the prefix 'post,' ineluctably involves 'post-science,' 'post-philosophy' and all kinds of 'posts' including post-politics. This is due to the turning point that we are going through and to the crisis (in the positive sense of the word) of all the concepts and ideas habitual for the European and global culture, above all as far as science and philosophy are concerned. In this context it is instructive to address the history of formation of structuralism, its development in interaction with different currents of thought, notably with phenomenology and finally, that of its transformation into poststructuralism.

Key words: Phenomenology, structuralism, poststructuralism, formal method, sign, the issue of meaning, expression.

Как пишет автор, профессор Карлова университета в Праге, книга подводит промежуточный итог его работам (числом десять), написанным за последние десять лет и посвященным русскому формализму, структурализму и феноменологии. Не планируя поначалу издавать их отдельным томом, Флакк все-таки поместил исследования под общей обложкой, снабдив Введением, в котором предложил читателям некую общую концепцию, связанную с серьезным переосмыслением истории структурализма, и выдвинул ряд гипотез, требующих, по его собственному признанию, более обширной аргументации, нежели уже представленная в книге³.

² The work is prepared under support of RFBR project № 19-011-00826 "Politicization and depoliticization of philosophy in the context of biopolitics: a comparative analysis of polemical discourses."

³ Поскольку речь идет именно о проекте, теоретическая состоятельность которого обеспечивается двоякой направленностью: ретро- и проспективной, образовавшийся дисбаланс между результативной

В ее заглавие вынесена центральная для автора проблема — общетеоретический вопрос о смысле (*question du sens*) и его конституировании (*Stiftung*) — прояснению которого, по мнению Флакка, должно помочь обращение к истории структурализма и феноменологии, движений, во многих отношениях близких (и прежде всего это касается вопроса о смысле), поскольку и тот, и другая явились почти одновременным ответом на кризис «эпистемологических парадигм XIX века»: психологизма, позитивизма, натурализма, а также «посткантианских идеализмов». Их общей неявной целью было создание общей теории смысла, способной объяснить смысл в его концептуальном (идея), лингвистическом (выражение) и опытном */expérentielle/ (vécu)* аспектах. Отсюда и название книги. Эта общая теория смысла могла бы быть создана в рамках некоей гипотетической «структурной феноменологии», и если этого не случилось, это не означает, что сама интуиция была ложной.

Еще и сегодня разработанные феноменологами и структуралистами подходы к проблеме смысла подспудно, но оттого не менее властно, диктуют способы теоретической работы в разных отраслях знания; более того, они демонстрируют тщетность многочисленных попыток (когнитивистских, деконструкционистских, герменевтических, семиотических, спекулятивных) превзойти их, рассчитывая исключительно на собственный ресурс. В связи с этим, амбиции автора и цель настоящего сборника сводятся к тому, чтобы вернуться к этим совместным незавершенным исканиям феноменологов и структуралистов и, реактивируя их прозрения относительно, прежде всего, языка, литературы и эстетического опыта, как можно точнее очертить горизонты пути, первоначально ими намеченного.

В исследовании подобного рода «исторический» план не может быть оторван от «теоретического», направляющего первый и в нем же черпающего материал, а его логика требует выхода за рамки двух упомянутых направлений в широкий контекст философских концепций и традиций, лингвистических, логических, литературоведческих штудий, искусствоведения, а равно идеологий эпохи. В книге приводится большое количество сведений, имен, далеко не всегда общеизвестных, иногда забытых, разбираемых точек зрения, контактов и фактов. Изобилие фактического материала обусловлено

и проективной частями работы не слишком беспокоит автора, поскольку обусловлен он чисто экстенсивным фактором — обширностью программы, отдельные пункты которой остаются пока не-реализованными.

тем, что рефлексия *по поводу* структурализма и феноменологии, их теоретическое осмысление, успевшее обрести вид авторитетных — если не классических — историй этих движений, их позднейшие оценки и переоценки создали некий достаточно плотный экран, который закрыл от нас то, что в эти истории не уместилось, то есть многие важные стороны и моменты возникновения, первоначального развития и взаимодействия этих направлений мысли. В целях демонтажа этого экрана и систематизации множества фактов и имен, которые, по мнению автора, не должны оставаться за кадром, Флакк разработал некую типологию взглядов на структурализм и его историю, представив читателю три его «историографических модели» (см. ниже). Получилось что-то вроде обобщенного плана и «карты» предстоящих исследований; реализованные части проекта касаются, в основном, русского формализма и его «продуктивной» встречи с феноменологией и пражским структурализмом. Остальные — дело будущего.

Три главных тезиса очерчивают проблемное поле исследования: (1) актуальность структуралистской традиции; (2) наличие тесных исторических и чисто концептуальных связей между структурализмом и феноменологией; и (3) вопрос о смысле как общий горизонт и точка схода (*point de fuite* классической перспективы) структурализма и феноменологии. Тезисы не бесспорные, о чем автор предупреждает.

Тезис первый. Более или менее общее мнение о структурализме таково, что, став «классическим», он устарел. Уход со сцены структурализма начался в пору его максимального расцвета и распространения в послевоенной Европе, пик которого пришелся на 60-е годы, когда ведущие теоретики, так или иначе связанные с этим течением (М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делез, Ю. Кристева и др. — преимущественно французы), решительным образом от него отмежевались. Флакк с этим мнением не согласен.

Тезис второй. Считается, что говорить о наличии тесных связей между структурализмом и феноменологией, по меньшей мере, проблематично. Во Франции структурализм и феноменология позиционируются как антагонистические течения, например, в тотальном «братоубийственном» (Waldenfels, 2005, 57) размежевании «систематического рационализма» К. Леви-Стросса с экзистенциальной философией Ж.-П. Сартра. По Флакку, между структурализмом и феноменологией всегда существовали тесные связи, и осуществлялось взаимодействие.

Тезис третий. Мысль о том, что *проблема смысла (question du sens)* составляет общий концептуальный центр феноменологии и структурализма. Эта идея вызывает вопросы и требует уточнения. Флакк пишет: в лучшем случае вопрос о смысле представлялся преимущественным лишь некоторым, например, раннему Гуссерлю и Мерло-Понти. Деррида он занимал больше, чем Хайдеггера или Сартра, Соссюра, Якобсона и Леви-Стросса больше, чем Барта, Фуко или Альтюссера (Flack, 2018, 8). Что здесь имеется в виду, не совсем ясно. Непонятно, в каком смысле «проблемой смысла» занимались больше ранний Гуссерль, Соссюр и Деррида, чем Хайдеггер, спросивший, между прочим, не о чем ином, как о смысле бытия? Спорность тезиса связана с его неопределенностью. Меж тем, обратим внимание: именно *la question du sens* вынесен автором в подзаголовок книги, и к тому же помещен «между»⁴ феноменологией и структурализмом, потому что, как мы уже знаем, адекватная постановка этого вопроса, которая, в принципе, и есть решение, по меньшей мере, перспектива решения, требует, по мнению автора, *одновременного обращения к обеим традициям*.

В обоснование изложенных тезисов Флакк приводит следующие соображения.

(1) Сдачу в архив структурализма он считает преждевременной как раз по причине неисчерпанности его концептуального потенциала, о чем свидетельствует посмертная жизнь направления, пусть и с приставкой «пост». То обстоятельство, что критикам структурализма в 70-е годы так и не удалось избавиться от термина, говорит о том, что «структуралистский момент», именно тогда, когда он казался преодоленным, был не только точкой отсчета, в отталкивании от которой оформлялась постструктуралистская мысль, но и в какой-то мере оставался точкой опоры, тем *началом*, на которое она не переставала оглядываться. Поэтому обращение к классическому структурализму, минуя «постструктуралистскую доксу», кажется автору закономерным, и он приводит примеры таких публикаций (Aurora, 2017; Avtonomova, 2009; Daylight, 2011; Sériot, 1999; Stawarska, 2015). При этом классическим в эволюции структурализма Флакк предлагает считать не — как это более или менее общепринято — послевоенное время, а период между двумя мировыми войнами. Это меняет дело и подводит нас к аргументации по второму пункту —

⁴ Это старый грамматический смысл предлога «entre», выражающий совместное действие двух субъектов при одном сказуемом.

об известной общности и принципиальных концептуальных связях структурализма и феноменологии.

(2) В намерения автора, пишет про самого себя Флакк, не входит возвращение к спорам, имевшим место во Франции в послевоенный период, и вместе с тем он не собирается умалять их значение, отрицая или релятивизируя действительно имеющиеся глубокие различия между феноменологией и структурализмом. Но дело в том, пишет он, что эти споры велись *уже по завершении классической фазы* в развитии обоих направлений, повторим, пришедшейся, согласно Флакку, не на послевоенное время, а на период с конца XIX века до начала Второй мировой войны. То, что отношения между феноменологией и структурализмом во Франции в 50-е и 60-е годы отлились в противостояние, не означает, что они были такими же в другие времена (конец века, предвоенное время, период между войнами) и в других странах (Германия, Австрия, Нидерланды, Россия, Чехословакия). То есть там они могли быть другими и гораздо более тесными.

Так, в интеллектуальной атмосфере начала прошлого века наличествовали разные тенденции; в немецкой философии доминировало неокантианство с его критикой эмпиризма и психологизма; проблему обоснования знания и логики, гуманитарных наук, по-своему решал Гуссерль. Те методы изучения языка, языка поэзии, искусства, культуры в целом, которые потом были названы структурными, разрабатывались русскими формалистами под влиянием сходных импульсов.

Что касается истории феноменологии, то тут, вроде бы, особенно спорить не с кем и не о чем. Другое дело структурализм. Флакк считает, что пора радикально переосмыслить его историю, в частности, отказаться от мнения, что явление это — изначально лингвистическое (имеется в виду лингвистика Ф. де Соссюра) и преимущественно французское. Структурализм, справедливо полагает Флакк, следует рассматривать как подлинно международное движение, укорененное непосредственно в немецком языкознании XIX века (Гумбольдт, Штейнталь, неограмматики), в психологии (Герbart, Фехнер, Вундт), в философии (Лотце, Риккерт, Виндельбанд), развившееся благодаря мощным новым веяниям (ранняя феноменология, гештальтпсихология, формалистическая эстетика, Кассирер, Бюлер, а равно модернистское искусство) и распространявшееся из России, через Чехословакию в Польшу, Нидерланды, Скандинавию в США и Западную Европу. Такой подход, по мнению автора, даст более дифференцированную картину структурализма,

его культурно-исторического контекста, глубоких связей с феноменологией (в версии Мерло-Понти), а также позволит оценить значение структуралистских идей для современной постановки проблемы смысла, восприятия, изображения и т.д., в разных дисциплинах, таких как эстетика, биосемиотика, когнитивная психология, нарратология и др. Таким образом, особую роль в «проекте» Флакка приобретает изучение ключевого — повторим, с точки зрения автора — периода в истории структурализма: *diuring the interwar*, периода между двумя войнами.

(3) Проблема смысла. Флакк признается, что именно вопрос о смысле заставил его оспаривать и заново продумывать генеалогию структурализма и его взаимоотношения с феноменологией. Прояснение этого вопроса было основной целью каждого из включенных в книгу исследований, посвященных отдельным эпизодам их общей истории, главным образом тех, что оказались либо совсем обойденными, либо обделенными вниманием историков. Полученные результаты позволяют, считает автор, говорить о проблеме смысла как общем центре структурализма и феноменологии. Флакк полагает, что, будучи «почти одновременным» ответом на кризис эпистемологических парадигм XIX века («психологизм, позитивизм, натурализм, а также посткантианский идеализм»), оба направления создали серьезный задел для выработки фундаментальной теории смысла в его понятийном (Идея), языковом (Выражение) и «опытном» (Опыт) измерениях, о чем выше уже говорилось.

Во-первых (Flack, 2018, 22-23), занимаясь литературой и языком под углом зрения их «поэтической» функции или в качестве «говорящей речи» (*parole parlante*), структуралисты и феноменологи подошли к переопределению понятия знака, мысля его *не в терминах референции* (*aliquid stat pro aliquo*)⁵, но как чистую «выразительность», *expression*.

Во-вторых, утверждает Флакк, поскольку это новое понимание знака (и, стало быть, значения и смысла) брало начало в рефлексии, охватывающей эстетическое и до-языковое, или до-рефлексивное, измерения опыта, оно избежало обычной ловушки представлений о языке, герметически замыкающих его в собственной экспрессивности. Напротив, оно позволяло — и позволяет — распространить структуру «выразительности» языкового смысла на мышление, воображение, восприятие, не подводя эти формы опыта под понятие

⁵ Что-то вместо чего-то.

«языковой смысл». Всякий опыт (*vécu*), будь то опыт переживания, восприятия, воображения, сна, языковой опыт или опыт, опосредованный абстрактными представлениями (математическими, геометрическими и т.д.), формальными или логическими понятиями, также рассматривается в основе своей как выразительный.

В-третьих, это расширение (генерализация) понятия экспрессивности знака меняет характер главных — метафизического (что такое реальность?) и эпистемологического (что такое познание?) — вопросов, неизменно соскальзывающих в вопрошание о смысле. Складываются предпосылки для методологического (пере)обоснования гуманитарного знания на «примате» смысла, взятого уже не только в идеальном или даже языковом измерении, но в качестве фундаментального способа (*modalité*) артикуляции нашего опыта (*expérience*). Такое преобразование, полагает Флакк, могло бы сделать гуманитарное знание той самой «строгой наукой», которой хотели быть феноменология и структурализм первой половины XX века, что оградило бы это знание, с одной стороны, от постмодернистского релятивизма и скепсиса, а с другой, от возвращения под опеку редукционистской парадигмы естественных наук с их наивным объективизмом.

Такова общая идея книги. Теперь подробнее о «моделях», о трех исторически сложившихся точках зрения на структурализм. Выделение их, как сказано, позволяет Флакку концептуально упорядочить огромную массу фактов, сведений, имен, из которых далеко не все станут предметом детального разбора в книге, но которые — для полноты картины — надо хотя бы иметь в виду.

Первая модель — это как раз франко (соссюро) центричное видение структурализма. Она построена на основе дефиниций, взятых из антологий и учебников по истории наук о языке и литературы, а также канонических историй собственно структурализма (Culler, 1975; Dosse, 1991; Rivkin & Ryan, 1998; Robins, 1967; Scholes, 1974; Selden, 2005; Seuren, 1998). Ключевые фигуры здесь — Фердинанд де Соссюр и Клод Леви-Стросс. По этой концепции, «Курс общей лингвистики» первого открыл новую эру в истории лингвистики, решительно порвав с неограмматической традицией (К. Бругман, А. Лескиен, Х. Остхоф, Х. Пауль и др.) и найдя частичную опору в трудах У. Уитни, Э. Дюркгейма и И. Тэна. Позже К. Леви-Стросс распространил интуиции Соссюра сначала на этнографию, а затем на всю область гуманитарного знания. Расцвет структурализма в этой модели приходится на 60-е годы

прошлого века (Р. Барт, Ж. Лакан, Ц. Тодоров и др.). Наряду с ключевыми фигурами Соссюра и Леви-Стросса упоминаются ученые, работавшие до второй мировой войны, и такие школы, как Женевская (Ш. Балли и А. Сешэ), Пражский кружок (Р. О. Якобсон и Н. С. Трубецкой), Копенгагенский кружок, сгруппировавшийся вокруг Л. Ельмслева, и — очень ограниченно — американские «дистрибуционисты» (Л. Блумфилд). Близкий к русским формалистам В. Я. Пропп зачастую представлен в этой модели в качестве одного из и источников концепции К. Леви-Стросса.

Вторая модель («Восток — Запад») обобщает результаты исследований структурализма, появившиеся после падения берлинской стены (Ambros, 2009; Dennes, 1998; Dmitriev, 2002; Raynaud, 1990; Seifrid, 2005; Sladěk, 2006), она лучше интегрирует в историю структурализма труды ученых из Центральной и Восточной Европы, хотя при этом предполагается, что «славянская» ветвь структурализма по существу так и осталась чуждой, если не вообще противоположной его западному alter ego. Положительное отличие этой модели от первой — в том, что она более дифференцированно и детально представляет Пражскую школу. Помимо Якобсона и Трубецкого речь идет о членах кружка — чехах (Вилем Матезиус, Богуслав Гавранек, Богумил Трнка и др.), а также о тех ученых, чьи интересы выходят за пределы лингвистики, таких как Петр Богатырев, Дмитро Чижевский и Ян Мукаржовский, который здесь назван основателем структурной эстетики. Школа рассматривается не только с точки зрения ее вклада в фонологию, но как мультидисциплинарный проект, влияние которого распространяется на сферы эстетики, теории литературы, театральных штудий и семиотики. Фигура Соссюра перестает быть единственной в генезисе структурализма, рядом с ним размещаются польский лингвист Ян Бодуэн де Куртене, Эдуард Сиверс, основатель *Ohrenphilologie*, и неограмматик Германн Пауль. Говорится об особом вкладе в историю структурализма русских формалистов, в частности Юрия Тынянова, Осипа Брика, Евгения Поливанова, Льва Якобинского. Берутся в расчет нелингвистические истоки структурализма, в частности, феноменология (конечно, Гуссерль, но также его русский последователь Густав Шпет) и физиология Карла Бюлера. «Другая наука» Я. С. Левченко (Levchenko, 2012) вписывается в эту модель.

Наконец, *третья модель* интегрирует элементы двух первых, акцентируя главным образом добавления и исправления, подразумеваемые моделью «Восток — Запад». В ней учитываются результаты исследований, посвященных немецким и австрийским философам XIX в., не имевших, впрочем,

непосредственного отношения к структурализму (Köhnke, 1991; Rollinger, 2008) а также материалы собственных работ автора, включенных в данный сборник. В центре здесь оказывается фигура Р. О. Jakobsona, труды которого служат своеобразным интерфейсом, точкой пересечения разных направлений (русский формализм, гербартианская эстетика, евразийство, феноменология, неокантианство, школа Brentano и др.). Модель позволяет восстановить интеллектуальное преемство между творчеством Jakobsona и Humboldtа (по линии Potebnia — Штейнталь), Шеллинга и Гегеля (Савицкий — Трубецкой — Аксаков), уже обозначившееся в предыдущей модели. Используемый Серьо сравнительно-исторический подход здесь получает более широкое применение, расширен круг прямых собеседников Jakobsona, указаны их собственные теоретические истоки. Прослеживаются связи с гербартианской эстетикой (Мукаржовский, Цих, Остинский, Фехнер, Дробиш), со школой Brentano (Бюлер, Утиц, Эренфельс, Штумпф), нео- и пост-кантианской эпистемологией (Пос, Кассирер, Рикерт, Лотце, Тренделенбург), феноменологией (Пос, Шпет, Гуссерль), формализмом в музыкологии (Беккинг, Риманн, Ханслинг), а также с экспериментальной психологией (Сиверс, Мейманн, Кюльпе, Вунд). Для Флакка эта модель наиболее репрезентативна. Проект приобретает конкретные очертания.

Таково обширное Введение, призванное, повторю, *постфактум* придать собранным под одной обложкой исследованиям концептуальную целостность. Поэтому мы на нем и остановились подробнее. Кратко: «о чем» три раздела.

В первой части книги («Идея и форма: эпистемологический проект русского формализма», 1 — 4 главы) говорится о промежуточном положении формалистов «между» неокантианством и структурной лингвистикой, фигурируют имена А. Белого, «читающего Потebню», говорится о теориях стиха и типологии музыкального ритма (Э. Сиверс, Густав Беккинг, Роман Jakobson), о контрверзах между структурализмом и марксизмом (на примере полемики О. Шор). В своих исследованиях русского формализма Патрик Флакк опирается на посвященную ему обширную литературу (в том числе относительно недавнюю и последних лет).

Во второй части («Выражение между идеей и опытом», главы 5 — 7) в основном рассматриваются взаимосвязи феноменологии и пражского структурализма, отдельное исследование посвящено концепции нидерландского философа и лингвиста Хендрика Поса. Об этой части подробнее ниже.

В третьей («К смыслу опыта», главы 8 — 10) описываются эстетические и литературные горизонты «феноменологии русского авангарда», взгляды Шкловского, Мерло Понти и — под знаком вопроса (точно ли он в этом ряду?) — Шпета; наконец, в последнем — X — эссе книги, которое называется «Темпоральные структуры в поэтике русских формалистов», разбирается тема времени, так или иначе присутствующая в их концепциях (вопреки устойчивому противоположному мнению, берущему за образец формального анализа «Морфологию волшебной сказки» В. Я Проппа и «Кошек Бодлера» Р. О. Jakobsona и К. Леви-Стросса). Тема времени, полагает Флакк, явно наличествующая в трудах В. Шкловского, Б. Эйхенбаума, Ю. Тынянова, может стать подходящим локусом для выявления существенных различий между русским формализмом и французским структурализмом.

Изложение содержания глав грозит непомерным разрастанием рецензии, но все же какие-то ключевые моменты нельзя обойти. Остановимся на V, VI и VII главах. Название первой — «Феноменологический момент структурной лингвистики». Они встретились — в 1935 году в Праге, феноменология и структурная лингвистика, Гуссерль и Jakobson. О взаимоотношениях обоих направлений мысли написано немало. Взгляды разнятся — от признания того, что существует «феноменологический структурализм», ответвление гуссерлевской феноменологии (Эльмар Холенштейн (Holenstein, 1975; Holenstein 1976, 56-75)) до полного отрицания каких-либо концептуальных связей между двумя течениями (Hansen-Löve, 1978; Steiner & Holenstein, 1975; Swiggers, 1981). Издержки, по мнению Флакка, характерны для обеих сторон; они связаны с отсутствием в 70-е годы доступа ко многим документам и источникам, и могли быть объяснимы вплоть до публикации в 90-х годах «пионерских» работ Патрика Серио, Александра Хаардта и др. (Haardt, 1993; Dennes, 1998; Sériot, 1995; Sériot, 1999), вкуче с появившимися переводами с русского, в частности, книги Густава Шпета «Явление и смысл» (Shpet, 1914).

Тем не менее, труды Холенштейна, полагает Флакк, — хороший исходный пункт для сопоставления феноменологии и структурализма. Швейцарский лингвист выделяет несколько общих для феноменологии Э. Гуссерля и структурной лингвистики Р. Jakobsona эпистемологических и методологических решений. Оба систематически и программно отвергают психологизм. Обоим опорой служит концепт «интенциональности», или «направленности на» /«имения в виду»/ (*visée*), предполагающий, что сознание — это всегда сознание чего-то, и что оно участвует в структурировании объектов, а не пассивно

их воспринимает. Согласно Холенштейну, Гуссерль и Якобсон также разделяют старую идею всеобщей грамматики, нацеленной на выявление разных структурных типов (инвариантов), в пределах которых происходят изменения языковых единиц. Наряду с этой формальной стороной (*Formenlehre*), как феноменология, так и структурная лингвистика признают важность семантики (*Bedeutungslehre*) на всех уровнях логического и лингвистического анализа. Наконец, для обоих фундаментальной является intersубъективная, коммуникативная сторона сознания и языка. Считается при этом, что именно феноменология снабдила когнитивным инструментарием структурную лингвистику, который позволил ей освободиться от психологизма, а равно от (по выражению Паточки) «железного ошейника сосюрловских дихотомий», разработав более совершенную и более адекватную своему предмету эпистемологическую модель (Flack, 2018, 107-108).

Флакк приводит наиболее сильные аргументы противников столь радикального сближения феноменологии (ранний Гуссерль) и структурализма (Р. Якобсон); они сводятся к следующим. Структурная лингвистика никогда не практиковала *épochè*, или феноменологическую редукцию в том виде, как ее понимал Гуссерль. В выделении структурных инвариантов и дефиниции литературы на основе «литературности» («*littéarité*»), уточняет бельгийский лингвист, филолог-романист и философ Пьер Свиггерс, на которого ссылается Патрик Флакк, при желании можно усмотреть что-то вроде отголосков редукции, но методологическая перспектива структурализма скорее связана с (нео)кантианским влиянием: речь идет о систематическом ограничении исследовательского поля науки и никак не о преодолении того, что в феноменологическом дискурсе называется «естественной установкой» (Swiggers, 1981). Также, продолжает Флакк, трудно не согласиться с Ааге А. Хансен-Лёве (австрийский славист и теоретик литературы) в том, что концепция поэтического языка, которую Якобсон наследует от русского формализма, отмечена вниманием к «ощущению» («*sensation*») и к «переживанию» («*l'expérience vitale*»), то есть к вещам, «диаметрально противоположным эйдети-ческой явленности» (Hansen-Löve, 1978).

Гуссерлевская феноменология, пишет в связи с этим Флакк, по крайней мере, та, что нашла выражение в «Логических исследованиях», подразумевает откровенно идеалистическое (читай, трансцендентальное) отношение сознания к феноменам. Согласно Гуссерлю, познание объекта осуществляется в созерцании сущностей, посредством сущностного видения (*Wesenschau*),

акта, зависящего от воображения и идеализации (эйдетическая вариация), но не от чувственного восприятия. Этот идеалистический, трансцендентальный или «логицистский» подход к сознанию решающим образом сказался на представлении Гуссерля о языке как о чистом проводнике или носителе фактически независимых от него значений, не оказывающем влияния на их идеальную природу чистых сущностей. Возможно, именно Жак Деррида, добавляет Флакк, лучше других обрисовал эту «непродуктивность» лингвистического выражения у Гуссерля (Flack, 2018, 109; Derrida, 1967).

Напротив, Роман Якобсон рассматривает языковые явления в их эмпирии; означающая функция языка, его способность выражать сущности вещей для него не существует отдельно от конкретного материального языкового субстрата, будучи его производной. Флакк согласен со Свиггерсом в том, что цель фонологии Якобсона — выделение и описание не идеальных сущностей, но конкретной иерархической структуры, посредством которой те или иные лингвистические феномены (фонемы, слова) выражают некое значение. Для него план, собственно, языкового выражения одновременно автономен, продуктивен и динамичен; он никак не нейтрален ни по отношению к значению, ни к нашему восприятию действительности.

Тем не менее, полагает Патрик Флакк, скепсис Хансена-Лёве и Свиггерса по поводу сближения феноменологии и структурализма не ставит точку в дискуссии о связях лингвистики Якобсона с феноменологией. Надо учесть, что «Логические исследования» не дают полного о ней представления, прежде всего, об ее зрелом этапе, связанном с введением понятия «*Lebenswelt*» («жизненный мир»). Кроме того, известно, что существует другие версии феноменологии, «менее трансцендентальные и идеалистические», лучше совместимые с мыслью Якобсона, и, возможно, повлиявшие на нее. В этом плане особенно важны три имени: Густава Густавовича Шпета, Хендрика Поса (Hendrik Pos), нидерландского философа и лингвиста, и Мориса Мерло-Понти.

В VI главе («*Ausdruck* — Выражение // *Vyraženie* // — *Expression*: трансферт одного понятия между феноменологией и структурализмом») Патрик Флакк возвращается к идее Эльмара Холенштейна, полагая возможным обосновать сравнимость и совместимость двух направлений немного иначе, чем это делал швейцарский лингвист, а именно, путем анализа концепта «выражение» у трех авторов, Гуссерля, Якобсона и Мерло-Понти. (Ко взглядам Шпета автор вернется Третьем разделе. Концепт «выражения» потому предпочтителен для анализа, что ставит проблему значения (*signification*) не только в плане языка

как объективного носителя смысла или значения, но также в плане субъекта (*l'instance subjective*), использующего или учреждающего этот смысл или это значение. Немецкое слово соотносено с пониманием «выражения» у Гуссерля (времен «Логических исследований»), оно соответствует рубрике «идея»; за русским скрывается концепция Р. О. Якобсона, французское описывает функцию «выражения» в феноменологии Мерло-Понти («опыт»). Место «выражения» — между «идеями» и «опытом» как в названии главы, так и в структуре Второго раздела книги.

Анализ Ausdruck Гуссерля ограничивается материалом Первого логического исследования («Выражение и значение» (*Ausdruck und Bedeutung*)), понятийным центром которого это понятие и является. При этом автор напоминает, что «Логические исследования» составляют первый, «логицистский» этап феноменологии, главный источник влияния на Якобсона, и что позднейшая гуссерлевская феноменология во многих своих аспектах оказывается гораздо ближе к структурной лингвистике Р. О. Якобсона. Согласно Гуссерлю, *Ausdruck* это знак (*Zeichen*), имеющий значение (*Bedeutung*), или выражающий некий смысл (*Sinn*). Выражение отличается от указания-индекса (*Anzeichen*), то есть от знака, отношение которого к вещи является немотивированным и необоснованным. По замечанию Ж. Деррида, это на вид невинное различие определяет весь дальнейший ход гуссерлевской мысли. Различение между выражением и индексом приводит, в конечном счете, к нейтрализации роли языка в качестве источника значения (*couche de la signification*). Не входя в детали сложного гуссерлевского анализа, можно заключить, что для Гуссерля, выражение есть, по сути дела, не что иное, как средство доставки уже сформированного логического смысла, который, впрочем, берет начало в интенциональных актах субъекта как «видение» (*meinen*) в субъективном сознании и как данность (*donation*) для субъективного сознания.

Vyraženie у Якобсона. Понятие «выражение» появляется у Р. О. Якобсона очень рано (в статье «Новая русская поэзия»). Оно играет ключевую роль в его определении поэтического языка как «высказывания с установкой на выражение», — приводит Флакк русскую формулировку. Определение тесно связано с поэтической практикой русских кубо-футуристов, для которых слово — это нечто, обладающее собственной структурной организацией и значимостью («самоцельное», «самовитое» или «самоценное» слово). Таким образом, полагает Флакк, понимание «выражения» у Якобсона сближается с идеей «остранения» («*défamiliarisation*») русских формалистов, которое,

согласно В. Шкловскому, составляет существо всякой художественной или литературной практики.

В точности как для Шкловского, выразительность языка для Якобсона — не когнитивный процесс передачи смыслов, но эстетическая самоцель (*une fin esthétique en soi*), язык — не средство коммуникации или мышления; это полноправный поэтический феномен. Языковые знаки суть конкретные сущности, экспрессивный потенциал которых и само их существование берут начало не в тех или иных функциях (дейктической, коммуникативной, логической и т.д.), а в самом поэтическом факте их восприятия как систематически артикулированных и дифференцированных в некой материальной среде (звуковой, графической). Иными словами, русский лингвист утверждает, что именно перцептивная структура знака позволяет ему выражать или обозначать нечто, то есть функционировать в качестве означающей инстанции. Мысль о том, что знак обязан значением своей экспрессивной артикуляции в акте чувственного восприятия, встречаем в понятии фонемы, предложенном Якобсоном; в самом деле, он разбирает фонему как иерархию фонетических явлений, иначе говоря, как интеллигибельную организацию эмпирического чувственного субстрата.

Отличия от гуссерлевского понимания соотношения «выражения» и «значения» очевидны: если у Гуссерля роль «выражения» в конституировании и переживании смысла вполне периферийна, то у Якобсона оно занимает центральное положение, будучи результатом не субъективного интенционального акта (или иногда чистого акта саморефлексии сознания), но продуктивной работы в лоне языка. В то время как у Гуссерля значение есть некая логическая данность, просто передаваемая с помощью языка и выражения, у Якобсона оно по существу зависит от форм своего конкретного выражения в языке.

Мерло-Понти: l'expression. Принципиальные расхождения в понимании «выражения» в вышеописанных концепциях столь очевидны, что кажется сомнительным как их сближение, так и предположение о возможном влиянии Гуссерля на Якобсона. Тем не менее, полагает Флакк, вопрос о «выражении» индуцирует некое проблемное поле, в котором феноменология и структурализм предстают как взаимодополняющие учения в том смысле, что явно обнаруживают свои недостатки. Что касается Гуссерля, то, действительно, Деррида убедительно показал, что идея чистого выражения, знака как чистого присутствия смысла, не нуждающегося ни в артикуляции, ни в референте, несостоятельна.

Относительно точки зрения Якобсона и позитивистской ориентации структурализма, чисто объективистски усматривающего источник смысла в системе языка, равным образом выдвигаются серьезные возражения. Если значение, в самом деле, создается исключительно языком и его структурами, встает вопрос о его произвольности и референциальности: язык не соприкасается с почвой опыта, утрачивает всякую описательную силу, замыкаясь в собственной способности означивания и выражая только собственный смысл. Настоящую трудность, связанную с понятием «выражения», Флакк видит в том, что ни Гуссерлю, ни Якобсону не удастся тематизировать отношение между до-понятийным (перцептуальным) смыслом (*sens pré-conceptuel* (*perceptif*)) и смыслом языковым. Таков, с его точки зрения, случай Гуссерля, постулирующего бездоказательную (*indéfendable*) корреляцию между идеальным значением и объектом; со своей стороны Якобсон также не решает проблемы, встающей в связи с открытием свойственной языку материальности и, стало быть, отношения к тому, что внешне языковой структуре.

Не удивляет, поэтому, то обстоятельство, что именно феноменология Мерло-Понти предоставляет, по Флакку, возможность компромиссного решения (*un compromis intéressant entre les positions de Husserl et de Jakobson*), коль скоро она нацелена на решение вопроса о соотношении перцептивного и языкового смыслов.

В виду радикальной противоположности позиций в вопросе о субъективности, логично предположить, что этот компромисс подразумевает какое-то новое понимание субъекта и его роли по отношению к смыслу и выражению: субъект у Мерло-Понти понят уже не как чистое сознание, но как деятельная телесная инстанция, вовлеченная в акт выражения. Для Мерло-Понти, ссылаясь Флакк на Кристенсена, выражение есть отношение между вещами, а не между словом и вещью. Вещи находятся в отношениях взаимосвязи, они отсылают друг к другу и таким образом в качестве встречных мне, открывают мне, действующему субъекту, свой смысл как объекты возможного употребления. Словом, выражение есть собственное свойство вещей предлагать мне свой смысл. Такое употребление термина сближает его с лейбницианским понятием «выражения» и с хайдеггерианским концептом герменевтического «als» /«как»/. Определяющим элементом такой концепции «выражения» является понятие «тела». Действительно, для Мерло-Понти экспрессивность вещей относится к телесно-двигательной среде. Он отвергает представление о чистых интенциональных актах сознания, схватывающего значения,

которые «существуют сами по себе», в пользу идеи «действующей интенциональности тел» (*l'idée d'une intentionnalité opérante du corps*). Кристенсен замечает: «анализ восприятия становится герменевтическим, что не влечет за собой редукции перцептивного содержания к языковому. Перцептивный знак есть знак, чисто чувственный, отданный во владение органам восприятия, и его экспрессивность внутренне связана с движениями и модуляциями феноменального поля» (Flack, 2018, 124; Kristensen, 2010, 20).

Таким образом, теория выражения, предложенная Мерло-Понти, с одной стороны, принимает в расчет его «материальную» сторону, что делает ее совместимой с представлениями Якобсона о языке. С другой, она возвращает язык на почву опыта. Необходимый для объединения двух теорий шаг — отказ от традиционных представлений о трансцендентальном субъекте и замещение его «экспрессивным субъектом», вовлеченным в артикуляцию конкретного смысла его собственного опыта-переживания (*vécu*).

В VII главе, «Хендрик Пос: философия между идеей и опытом», говорится о жизненном пути и теоретических взглядах ныне почти забытого, но широко известного в свое время нидерландского философа и лингвиста (1898–1955), слушавшего курсы Гуссерля и Хайдеггера, с 1924 г. профессора созданной специально для него кафедры Общего языкознания в Свободном университете Амстердама, затем, с 1932 и — за исключением военных лет — до своей кончины, преподававшего на кафедре Теоретической философии и истории философии Муниципального университета Амстердама. Во время оккупации Пос за свою предвоенную антифашистскую деятельность оказался в Бухенвальде, где пробыл около года, а затем до 1943, когда был освобожден по состоянию здоровья, — в разных нидерландских тюрьмах. После войны вернулся к академической работе.

Для Флакка теоретические разработки Поса, так и не приведенные, впрочем, к общему знаменателю «системы», важны по целому ряду соображений. Пос был одним из первых, кто смог предложить собственно философское осмысление наук о языке и их методов на поворотном этапе их истории. Его идеи заслуживают серьезного изучения в связи с задуманным Флакком переосмыслением истории структурализма, так как Пос был активным участником событий, переписывался со всеми значимыми персонажами этой истории, а его творчество представляет собой нечто вроде «моментального снимка» тогдашней полемики. В более узком плане особый интерес представляет для Флакка впечатляющее сходство позиций Поса и Шпета по ряду вопросов,

особенно касающихся «опытной» (*vésci*) составляющей языковых явлений. Кроме того, «чувствительность» Паса к разного рода идеям, в том числе марксистским, при сохранении критической дистанции по отношению к марксистской идеологии в целом создавала некую «платформу», на которой противоборствующие точки зрения на феноменологию и структурную лингвистику могли обсуждаться в атмосфере, относительно свободной от послевоенного идеологического давления.

Подведем итоги. Задуманный и частично осуществленный проект «переписывания» истории структурализма, предполагающий также прояснение взаимоотношений последнего с феноменологией, выходит за рамки как обычного историко-научного, так и, собственно, историко-философского (история феноменологии) исследования по той простой причине, что столь обстоятельный разговор о значительном явлении научного (и философского) мышления первой половины прошлого века, сохранившемся во второй его половине, а также в наступившем третьем тысячелетии с приставкой «пост», неизбежно оказывается разговором о «постнауке», «постфилософии» и обо всех прочих возможных «пост-», включая постполитику, коль скоро речь идет о переживаемых нами «поворотных временах», а стало быть, о «кризисе» (в самом положительном смысле) всех более или менее привычных для европейской — а теперь уже мировой — культуры понятий и представлений, и прежде всего о самой науке и философии. «Перепись» истории — единственный способ остаться на уровне мышления отцов-основателей. В этом смысле история формирования структурализма, его развития во взаимодействии с разными течениями и направлениями мысли, прежде всего, феноменологией, и, наконец, оставшаяся за рамками проделанной работы, история превращения его в постструктурализм чрезвычайно поучительна. Величественный жест «отказа» главных постструктуралистов (Фуко, Делез и др.) от структурализма классического (у Флакка это главным образом «сосюрская модель»), а равно выпады против философского универсализма (как будто философия может не быть «предельным вопрошанием, охватывающим своими вопросами совокупное целое сущего») были во многом борьбой с ветряными мельницами, с ими же самими сконструированным образом врага, как это часто бывало в истории философии, отчего она не переставала быть философией. Путь в «постфилософию» им открыли классики — Гуссерль и Хайдеггер, то есть феноменология в двух своих главных изводах.

REFERENCES

- Ambros, V. (Ed.). (2009). *Structuralism(s) Today: Paris, Prague, Tartu*. New York: Legas.
- Aurora, S. (2017). *Filosofia e scienza del primo Husserl* [Philosophy and Sciences in the Early Husserl]. Padova: Cleup. (in Italian).
- Avtonomova, N. (2009). *Otkrytaya struktura* [The Open Structure]. Moscow: ROSSPEN. (in Russian).
- Culler, J. (1975). *Structuralist Poetics: Structuralism, Linguistics and the Study of Literature*. Ithaca: Cornell University Press.
- Daylight, R. (2011). *What If Derrida Was Wrong About Saussure?* Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Dennes, M. (1998). *Husserl — Heidegger: Influence de leur oeuvre en Russie*. Paris: L'Harmattan.
- Derrida, J. (1967). *La voix et le phénomène*. Paris: PUF.
- Dmitriev, A. (2002). Le contexte européen (français et allemand) du formalisme russe. In *Cahiers du monde russe*, 43(2-3), 423-440.
- Dosse, F. (1991). *Histoire du structuralisme, T.I: Le champ du signe, 1945–1966*. Paris: La Découvert.
- Flack, P. (2018). *Idée, Expression, Vécu. La question du sens entre phénoménologie et structuralisme*. Paris: Hermann Éditeurs.
- Haardt, A. (1993). *Husserl in Russland: Phänomenologie der Sprache und Kunst bei Gustav Špet und Aleksej Losev*. München: Fink.
- Hansen-Löve, A. (1978). *Der russische Formalismus: methodologische Rekonstruktion seiner Entwicklung aus dem Prinzip der Verfremdung*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Holenstein, E. (1975). *Roman Jakobsons phänomenologischer Strukturalismus*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Holenstein, E. (1976). *Linguistik, Semiotik, Hermeneutik: Plädoyers für eine strukturelle Phänomenologie*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Köhnke, K. (1991). *The Rise of Neo-kantianism*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kristensen, S. (2010). *Parole et subjectivité: Merleau-Ponty et la phénoménologie de l'expression*. Hildesheim: Olms.
- Levchenko, Y. (2012). *Drugaya nauka. Russkiiye formalisty v poiskakh biographii* [Another Science. Russian Formalists in Search of a Biography]. Moscow: NIU VSHE. (in Russian).
- Raynaud, S. (1990). *Il Circolo Linguistico di Praga* [Prague Linguistic Circle]. Milano: Vita e Pensiero. (in Italian).
- Rivkin, J., & Ryan, M. (Ed.). (1998). *Literary Theory: An Antology*. Oxford: Blackwell.
- Robins, R. (1967). *A Short History of Linguistics*. London: Longman.
- Rollinger, R. (2008). *Austrian Phenomenology: Brentano, Husserl, Meinong and Others on Mind and Object*. Heusenstamm: Ontos.
- Scholes, R. (1974). *Structuralism in Literature: An Introduction*. New Haven: Yale University Press.
- Seifrid, T. (2005). *The Word Made Self: Russian Writing of Language, 1860–1930*. Ithaca: Cornell University Press.
- Selden, R. (Ed.). (2005). *From Formalism to Poststructuralism*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sémiot, P. (1999). *Structure et totalité: Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale*. Paris: PUF.
- Sémiot, P. (Ed.). (1995). Une familière étrangeté. *Histoire Épistémologie Langage*, 17(2).
- Seuren, P. (1998). *Western Linguistics: an Historical Introduction*. Oxford: Blackwell.
- Shpet, G. (1914). *Yavlenie i smysl* [Appearing and Sense]. Moscow: Germes. (in Russian).

- Sladěk, O. (Ed.). (2006). *Ceský strukturalismus po poststrukturalismus* [Structuralism Czech After Poststructuralism]. Brno: Host. (in Czech).
- Stawarska, B. (2015). *Saussure's Philosophy of Language as Phenomenology*. Oxford-New York: Oxford University Press.
- Steiner, G., & Holenstein, E. (1975). Roman Jakobson's Approach to Language: Jakobson's phenomenology. *Semiotica*, 15, 393-395.
- Swiggers, P. (1981). The Relationship Between Phenomenology and Structuralism. *Ars Semeiotica*, 4(3), 263-268.
- Waldenfels, B. (2005). Normalité et normativité: Entre phénoménologie et structuralisme. In *Revue de métaphysique et de morale*, 110(1), 57-67.